
ПОЛИТИКА ПАМЯТИ

СНЕСТИ НЕЛЬЗЯ ОСТАВИТЬ: КЛЮЧЕВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ СТРАН БАЛТИИ В ОТНОШЕНИИ СОВЕТСКИХ ПАМЯТНИКОВ В МЕСТАХ МАССОВОГО НАСИЛИЯ

М. Е. Мегем

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию 10.06.2022 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2022-4-8
© Мегем М. Е., 2022

Очередной раунд советского «памятникапада» в странах Балтии, который начался еще в начале 1990-х гг., мы наблюдаем в 2022 г. Вместе с тем этот процесс не коснулся советских мемориалов, расположенных в местах массового насилия, совершенного во время немецкой оккупации Прибалтики. Цель статьи — рассмотреть основные тенденции политики памяти стран Балтии по отношению к советским памятникам, воздвигнутым в местах массового насилия. Официальная политика стран Балтии в отношении этих мест памяти во многом предопределялась внешнеполитической повесткой, а также сюжетами, которые они отражали. Так, в период евроатлантического дрейфа в концепции прошлого Прибалтийских государств был интегрирован сюжет о Холокосте, что привело к перекодировке символического пространства советских мест памяти о преступлениях против евреев и включению их в государственную коммеморативную культуру. Советские мемориалы, которые были открыты на местах, касающихся собственно трагедии местных народов, были без изменений интегрированы в государственный мемориальный ландшафт, но в случае с Литвой восприняты с большим недоверием со стороны властей по причине той советской контрпамяти, которую они сохранили. Памятники, посвященные советским военнопленным, несмотря на то, что воспринимались и воспринимаются как «чужие» места памяти, оказались под охраной законов стран Балтии, что, правда, не спасло мемориалы от регулярных неофициальных актов вандализма. Кроме того, можно отметить наличие желания пересмотра той правовой базы в Прибалтике, которая обеспечивает их сохранность.

Ключевые слова:

политика памяти, места памяти о массовом насилии, страны Балтии, советские памятники, Понары, Саласпилский мемориал, Пирчюпис, Клоога

Введение

Отношения между государствами Балтии и России после распада Советского Союза развивались по нисходящей. Отдельные периоды разрядки, как правило, сменялись еще более глубокими витками напряженности. Помимо ряда факторов, связанных с конкретными эпизодами межгосударственного взаимодействия, а так-

Для цитирования: Мегем М. Е. Снести нельзя оставить: ключевые тенденции политики памяти стран Балтии в отношении советских памятников в местах массового насилия // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 4. С. 128–145. doi: 10.5922/2079-8555-2022-4-8.

же внутривнутриполитическими процессами, на эскалации отношений непосредственно сказались события на Украине в 2014 и 2022 гг. Политическая элита стран Балтии в рамках украино-российских кризисов однозначно заняла проукраинскую позицию, выступая одним из ключевых глашатаев санкционного давления на РФ.

Отметим, что границы политики памяти в странах Балтии во многом предопределяются внешнеполитической повесткой, а ее базис основывается на антироссийском историческом нарративе, в котором Россия фигурирует как правопреемница Советского Союза, несущая прямую ответственность, по мнению прибалтийской политической элиты, за «советскую оккупацию»¹. Наглядным примером, иллюстрирующим антироссийскую направленность официального исторического дискурса в странах Балтии, служит политика памяти по отношению к советским мемориальным объектам, которые в большом количестве по сей день остаются на территории Латвии, Литвы и Эстонии.

Цель данной статьи — выявить ключевые тенденции политики памяти в странах Балтии по отношению к советским мемориальным объектам, расположенным на их территории в местах массового насилия, совершенного во время немецкой оккупации².

Латвийская, Литовская и Эстонская ССР находились под немецкой оккупацией с 1941 по 1944 г. За это время, согласно акту судебно-медицинской экспертизы, составленному 20 января 1946 г., на территории Прибалтики нацистами были убиты более 1 млн человек (в том числе советские военнопленные): в Литве — 666 тыс., в Латвии — 314 тыс., в Эстонии — 61 тыс. [1, с. 231]. В годы Великой Отечественной войны в Прибалтике в том числе с помощью коллаборационистов гитлеровцами было практически полностью уничтожено местное еврейское население³. Вследствие тяжелых условий содержания, систематических истязаний и расстрелов в дулагах, шталагах и офлагах массово погибали советские военнопленные. В концлагерях умирали угнанные из западных регионов СССР советские граждане. Кроме того, нацисты и их пособники проводили специальные репрессивные акции в отношении местного прибалтийского населения, в ходе которых осуществлялись поджоги деревень и многочисленные расправы⁴.

В советское время во многих местах массовых преступлений в Прибалтике в тот или иной период были установлены различного рода мемориальные объекты (отдельные памятники, мемориальные доски и камни или целые мемориальные ансамбли), служившие напоминанием о произошедших здесь трагедиях. Эти памятники, как правило, имели свои собственные эстетические и семиотические особенности, выделявшие их на фоне многочисленного «героического» советского наследия, связанного с Великой Отечественной войной. В большинстве своем ме-

¹ Нарратив о «советской оккупации» является фундаментом официальных исторических концепций стран Балтии. Согласно ему, Латвия, Литва и Эстония не по своей воле были присоединены к Советскому Союзу, а также понесли людские и материальные потери за время нахождения в его составе. Именно по этой причине в странах Балтии периодически принимаются различного рода документы с требованиями возместить ущерб от «советской оккупации».

² Под местами массового насилия в рамках данного исследования мы понимаем конкретные территории, на которых нацисты, а также их пособники совершали многочисленные убийства мирного населения и военнопленных или создавали специальные условия, способствовавшие их смерти.

³ Отметим, что информация о точном количестве погибшего еврейского населения в Прибалтике сильно разнится. В данном случае сошлемся на исследования авторитетного историка Холокоста Антона Вейс-Вендта, согласно которому с 1941 по 1944 г. на территории Эстонии было уничтожено 8,5 тыс. евреев, в Латвии — 61 тыс., а в Литве — 195 тыс. [2].

⁴ Подробнее об этом см.: Прибалтика. Под знаком свастики (1941—1945). Сборник документов, 2009, М., Объединенная редакция МВД РФ, Кучково поле, 464 с.

мемориальные объекты, установка которых на местах массовых насилий была инициирована именно советской властью, а не полуофициальными акторами, появляются в Латвийской, Литовской и Эстонской ССР с 1960-х гг., когда в советской прибалтийской политике воспоминаний отчетливо проявилась тенденция, связанная с акцентированием внимания на мотиве скорби и жертвах среди местного населения в годы военного лихолетья. То есть предметно стал проявляться национальный подтекст «монументальной памяти» о войне, при этом в текстах надписей на памятниках национальная характеристика отсутствовала: гибли не латыши, литовцы, эстонцы, русские и евреи, а советские люди.

Мощная волна «памятничкопада» в отношении советского наследия, которая обрушилась на Латвию, Литву и Эстонию в начале 1990-х гг., не коснулась советских мест памяти массового насилия. Скорее всего, это было связано со спецификой темы, которую отражали памятники. В дальнейшем в зависимости от того, какому конкретно сюжету был посвящен тот или иной мемориал, акторы официальной политики памяти в странах Балтии применяли к ним определенную стратегию, направленную либо на интеграцию наследия, либо на основательную переработку пространства вокруг него, либо на забвение.

Историография

В историографии нет специальных работ, посвященных изучению советского мемориального присутствия на местах массовых трагедий в странах Балтии. Тем не менее судьба такого рода советских памятников рассматривалась некоторыми зарубежными историками в контексте характеристики официальной политики памяти по отношению к советскому мемориальному наследию в целом. Здесь прежде всего стоит отметить книги немецкого историка Е. Махотиной из Боннского университета, которая выпустила ряд работ на русском и немецких языках, посвященных истории советских музеев, мемориалов и военных памятников в Литве в досоветский и постсоветский периоды [3—6]. Кроме того, в Литве советское военное мемориальное наследие анализируется в коллективной монографии «Солдаты. Бетон. Миф. Места захоронений советских воинов Второй мировой войны в Литве», в которой авторы рассуждают о конфликтном потенциале советских памятников [7]. Под влиянием рефлексии по поводу событий, связанных с «Бронзовым солдатом» в 2008 г., в Эстонии вышел ряд общих обзорных исследований, касающихся советских памятников в стране и отношения к ним эстонской власти и общества [8—10]. Из латвийских работ стоит отметить исследование В. Зельче, в котором автор представляет советские памятники как пространство, способствующее институционализации политической деятельности местного русскоязычного сообщества [11, р. 30]. Фокус внимания отечественной историографии направлен на изучение общих тенденций в политике памяти стран Балтии [12; 13] и, как правило, затрагивает тему советских памятников вскользь и преимущественно в рамках истории, касающейся «Бронзового солдата» [14; 15]. Отдельные аспекты официальной мемориальной политики в Латвии рассмотрены В. В. Симиндеем [16], а в Литве — О. А. Романовой и Т. С. Гузенковой [17].

Тотальная перекодировка: судьба советских мест памяти, связанных с Холокостом

Как уже было отмечено выше, отношение к советским памятникам в местах массовых насилий в странах Балтии зависело прежде всего от той тематики, которую они репрезентировали. Для начала остановимся на особой группе мест памяти, которая связана с Холокостом.

Во время немецкой оккупации в Литве, Латвии и Эстонии было уничтожено большое количество еврейского населения. Однако данная проблематика в советском общесоюзном и региональных дискурсах, как и эпизоды о коллаборационизме литовцев, латышей и эстонцев, широко не рассматривалась. Тем не менее на территории советской Прибалтики располагались официальные места памяти, которые напрямую были связаны с Холокостом. В Эстонии это был памятник в Клооге, в Латвии — мемориальная доска в Румбуле, в Литве — мемориальные объекты, посвященные жертвам в IX форте в Каунасе и в Понарах, что неподалеку от Вильнюса. При этом стоит учитывать, что в советском варианте сюжеты о Холокосте трактовались как преступления немецко-фашистских захватчиков против граждан Советского Союза без какого-либо акцента на этнической составляющей. Именно такого рода интерпретацию и канализировали эти места памяти.

«Памятникопад» начала 1990-х гг. не коснулся советского наследия, так или иначе связанного с темой Холокоста, даже несмотря на то, что эти мемориалы, во-первых, имели «плохую» советскую родословную, во-вторых, отражали события прошлого — антиеврейские акции, в которых принимало участие коренное население. В середине 1990-х гг. параллельно полуофициальной коммеморации, инициаторами которой были местные еврейские организации, произошел важный прецедент символического толка: президент Литвы А. Бразаускас покаялся за совершенные в годы войны местными жителями преступления. Однако в официальном дискурсе это травматическое прошлое не столько перерабатывалось, сколько придавалось забвению [18, с. 436]. Наоборот, упор делался на коллективную виктимизацию, основой которой был нарратив о том, что именно литовцы, латыши и эстонцы являются основными «жертвами» немецкой и «советской» оккупаций на территории Прибалтики. Ситуация изменилась после того, как был запущен процесс евроатлантической интеграции, которая подразумевала под собой и включение в государственную концепцию истории сюжетов большого европейского нарратива о Холокосте. Чтобы имидж стран Балтии соответствовал европейским демократическим стандартам, далее начался процесс присвоения и мемориализации мест памяти, связанных с трагедией евреев, что напрямую затронуло нескольких советских архитектурных объектов, «охраняющих» память о преступлениях фашистов.

В эстонской Клооге на месте массовых захоронений одноименного концентрационного лагеря в 1951 г. был открыт памятник, на котором была нанесена надпись: «Вечная память жертвам фашизма». Здесь проходили государственные памятные мероприятия, связанные с преступлениями нацистов, при этом тематика Холокоста напрямую не фигурировала. В 1994 г. по инициативе Еврейской общины Эстонии рядом с советским монументом появились памятные камни, а с него самого была демонтирована пятиконечная звезда. Кроме того, на нем были установлены новые мемориальные таблички, в которых произошедшие 50 лет назад события уже связывались конкретно с Холокостом. Вместе с тем основные шаги по официальной мемориализации объекта были проделаны как раз в период активной евроатлантической интеграции: на этой территории появились уже собственно эстонские памятники, посвященные трагедии еврейского народа [19]. В 2013 г. мемориальный комплекс был реконструирован, также на его территории появилась музейная экспозиция под открытым небом «Лагерь Клоога и Холокост» [20]. На сегодняшний день это главное место памяти в стране, связанное с Холокостом. Оно официально интегрировано в эстонскую коммеморативную культуру и максимально дистанцировано от советского наследия. Примечательно, что на поставленном в советское время памятнике вместо убранной пятиконечной звезды теперь находится звезда Давида [19].

Ключевым советским латвийским местом трагедии, затрагивающим Холокост, был Румбульский лес, расположенный неподалеку от Риги, где в конце 1941 г. совершались массовые расстрелы евреев. По инициативе еврейских активистов на территории леса в 1964 г. был уставлен камень в память о произошедших событиях. Текст, который был выгравирован на камне, гласил: «Жертвам фашизма». Все это соответствовало официальному советскому дискурсу, игнорировавшему этническую референцию преступлений нацистов. Правда, было и небольшое послабление: надпись на камне была нанесена не только на русском и латышском языках, но также и на идише. В период активного евроатлантического дрейфа пространство этого места памяти было существенно переработано. В 2002 г. на деньги латвийского государства и зарубежных общественных организаций здесь был воздвигнут полноценный мемориальный ансамбль⁵. Удивительно другое. На входе в комплекс расположены плиты, на которых на латышском, немецком, английском и идише рассказывается о совершенных на этом месте убийствах⁶. В то же время русскому языку с учетом большой русскоязычной общины в Латвии места здесь не нашлось.

В Литве находится большое количество мемориальных объектов, связанных с Холокостом, что неудивительно, так как во время немецкой оккупации в стране погибло более 90 % местного еврейского населения [21]. В советское время в республике одним из ключевых мест памяти о массовом насилии были Понары, где немцы и коллаборанты долгое время расстреливали еврейское население, советских военнопленных, а также всех неугодных. После войны на деньги еврейской общины в 1948 г. здесь был открыт обелиск, реконструированный через четыре года. Его уникальность заключалась в том, что на нем одновременно присутствовали надписи на трех языках: русском, идише и иврите. Вдобавок отмечалось, что этот памятник был посвящен убитым «виленским и другим евреям». По этому поводу в адрес местных властей в Москве поднялась волна критики, и в начале 1960-х гг. памятник был советизирован: на новом обелиске на русском и литовском языках уже указывалось, что он воздвигнут в память о жертвах фашизма [5, с. 99—101]. Параллельно здесь начал функционировать «Музей фашистского террора» [5, с. 69].

В начале 1990-х гг. это место памяти трансформировалось из официального советского и полуофициального еврейского в многонациональное. Значимость места трагедии в Понарах обусловила появление здесь в течение пяти лет различного рода мемориальных объектов в память об убитых тут евреях, литовцах, поляках и советских военнопленных⁷. Так это «место памяти» стало многослойным: одновременно и демократическим в силу своей полифонии, и конфликтным из-за разрозненности символов и образов жертв [5, с. 197]. При этом такая эклектичность сформировалась автономно, а не в результате целенаправленной политики [22, с. 101].

В свою очередь, для литовской государственной стратегии управления памятью в Понарах характерна амбивалентность. С одной стороны, в рамках этой политики Понары преподносятся как интегрированное в коммеморативный литовский нарратив место трагедии евреев, очищенное от советского мемориального налета⁸, с дру-

⁵ Мемориал в Румбуле, 2022, *Latvijas Ebreju Kopiena*, URL: <https://jews.lv/еврейские-кладбища-и-памятные-места/мемориал-в-румбуле/> (дата обращения: 12.06.2022).

⁶ *Memoriāls nacisma upuru piemiņai*, 2020, *Cita Rīga*, URL: <https://www.citariga.lv/lat/rumbula/memorials/> (дата обращения: 16.06.2022).

⁷ *Panerių memorialo ekspozicija*, 2022, *Vilniaus Gaono žydų Istorijos muziejus*, URL: <https://www.jmuseum.lt/lt/ekspozicija/i/188/paneriu-memorialo-ekspozicija/> (дата обращения: 21.06.2022).

⁸ На данный момент памятник евреям в Понарах — это главный мемориал в этом комплексе, который также является основным официальным местом памяти жертв Второй мировой войны в Литве. Именно сюда 8 мая, в День памяти и примирения, приезжают представители правительства Литвы [5, с. 196].

гой — как место трагедии самих литовцев. В 1990 г. в Понарах был поставлен крест в память о литовцах, пострадавших от немецкой оккупации, а в 2004 г. — полноценный памятник, посвященный расстрелянным здесь в 1944 г. нацистами литовским солдатам-добровольцам из Литовского территориального корпуса П. Плехавичюса⁹. В условиях, когда в уничтожении евреев в Понарах активное участие принимало местное литовское население, в данном случае была предпринята попытка разбавить этот сюжет страданиями собственно литовского народа: не только евреи здесь были жертвами, но и «мы сами». Вместе с тем сложность сюжетов еврейской истории для культурной памяти Литвы наглядно иллюстрируют периодические осквернения еврейского памятника в Понарах.

Массовые убийства евреев в Литве во время войны также происходили в Каунасе на территории IX форта. В послевоенное время неподалеку от форта был установлен камень в память о жертвах фашизма с надписью на литовском языке, а в 1959 г. произошла музеефикация этих событий. Экспозиции музея IX форта рассказывали как о преступлениях нацистов, так и о 16-й Литовской дивизии, воевавшей в рядах Красной армии, и коммунистическом подполье в межвоенной Литве. В рамках тематики об ужасах немецкой оккупации речь шла также и о евреях как об одной из групп жертв фашистского террора [5, с. 78—81]. В 1984 г. частью музейного пространства стал 32-метровый мемориал под названием «Путь смерти», который был на тот момент одним из крупнейших в Европе¹⁰. По словам Е. Махотиной, «эта скульптура являет собой необычный, не имеющий аналогов для советской монументальной скульптуры стиль» [5, с. 81]. Исследователь полагает, что этот монумент выступает наглядным примером «литуанизации» советской монументальной памяти в республике [6, с. 269].

В 1990-е гг. территория вокруг советского мемориала за авторством известного литовского скульптора А. В. Амбразюнаса была тотально перекодирована. Так, советский музей стал функционировать под вывеской «Музея оккупации», а его концепция полностью изменилась: теперь ключевой акцент был сделан на преступлениях советской власти. Согласно такой логике нарратив о евреях как жертвах Холокоста был задвинут на второй план. Философия музейных экспозиций была выстроена таким образом, что центральным сюжетом стала тема геноцида литовского народа¹¹. В довершение всего помимо официальных актов коммеморации, касающихся Холокоста, около комплекса проводятся ритуалы поминовения литовцев, пострадавших в советское время: 14 июня — День скорби и надежды и 23 августа — День памяти жертв тоталитаризма [5, с. 139—144]. В итоге получается, что советский монумент, посвященный жертвам фашизма, находится в символическом пространстве, рассказывающем об ужасах «советской оккупации». В результате преступления нацизма перекрываются тематикой «советского террора», а в роли главной жертвы выступили литовцы.

Таким образом, в странах Балтии мемориализованные в советское время места памяти, связанные с Холокостом, благодаря различного рода стратегиям по переработке пространства оказались включены в официальную коммеморативную культуру. Если в 1990-х гг., как правило, движение и тональность, связанные с этими

⁹ Paminėtos Lietuvos vietinės rinktinės karių savanorių sušaudymo 65-osios metinės (nuotraukos), 2009, *15min.lt*, URL: <https://www.15min.lt/naujiena/aktualu/lietuva/paminetos-lietuvos-vietines-rinktines-kariu-savanoriu-susaudymo-65-osios-metines-nuotraukos-56-46873> (дата обращения: 21.06.2022).

¹⁰ The Museum, 2022, *Kauno IX fortomuziejus*, URL: <https://web.archive.org/web/20220202164204/https://www.9fortomuziejus.lt/istorija/muziejus/?lang=en> (дата обращения: 22.06.2022).

¹¹ Сюжеты о советских военнопленных за исключением одного эпизода, связанного с успешным побегом 25 декабря 1943 г., были полностью исключены из экспозиции музея.

местами трагедии, задавали еврейские организации, то в начале 2000-х гг. к этому процессу вследствие евроатлантической интеграции подключились официальные государственные структуры. При этом если в Латвии и Эстонии в процессе трансформации пространства акцент был сделан на том, чтобы избавиться от советских памятников и расположить на этой территории свои доминанты, рассказывающие именно о Холокосте, то в Литве помимо попыток деактивации советского пласта в место памяти добавлялся еще один сюжет, иллюстрирующий страдания литовского народа как в ходе Второй мировой войны (Понары), так и после, в советское время (IX форт в Каунасе). Таким образом, в литовском варианте это символическое пространство было одновременно местом памяти и о Холокосте, и о «геноциде» литовцев¹².

Саласпилсский мемориальный ансамбль: курс на латвийское место памяти

На территории Прибалтики во время пребывания ее под знаком свастики располагались не только концентрационные лагеря, в которых содержалось еврейское население. Печально известным местом массового насилия был также Саласпилсский концлагерь, куда после уничтожения еврейских пленников в 1941 г. стали массово свозить нарушителей оккупационного порядка и противников нацистской власти в Латвии, а также угнанных из СССР в результате антипартизанской борьбы мирных жителей¹³, в том числе детей, у которых для медицинских экспериментов выкачивали кровь (подробнее об этом см: [23; 24]).

В 1967 г. на месте нацистского концлагеря «Саласпилс» был открыт поражающий своим размахом Саласпилсский мемориальный ансамбль. Его авторы¹⁴ получили престижную в СССР Ленинскую премию, а его значимость для советской латвийской культуры памяти была исключительной. По словам Н. Сурина, «основная идея мемориала воплощена в камне как протест против насилия, бесчеловечности, войны и солидарность борцов против фашизма». На территории мемориального комплекса также был установлен метроном, которой отбивал звуки, символизирующие собой биение сердца заключенных [25, с. 606—608].

В постсоветской Латвии этот памятник жертвам нацизма, несмотря на свой советский бэкграунд, оказался в списке латвийского культурного канона, наиболее значимых произведений искусств и культурных ценностей страны, а также был интегрирован в официальный латвийский нарратив. Акторам, определяющим вектор направления латвийской политики памяти, было сложно придать забвению это очень важное для советской концепции истории место памяти особенно с учетом эстетической ценности памятника, деликатности темы и значимости Саласпилсского мемориала для большой русскоязычной общины в стране. Кроме того, факт активного стирания памяти о Саласпилсе позволил бы обвинить латвийские власти в реабилитации нацизма, что было неприемлемо в контексте переработки национальной истории в рамках вхождения в ЕС и интеграции большого европейского нарратива о Холокосте в парадную концепцию латвийского прошлого. В данном случае неудивительно, что Саласпилсский архитектурный ансамбль стал частью официальной латвийской коммеморативной культуры.

Однако параллельно в официальной латвийской исторической науке внимание акцентировалось на том, что вокруг самого концлагеря в советское время было со-

¹² В случае с IX фортом в Каунасе «геноцид» литовцев — это вообще центральная тема.

¹³ Преимущественно из восточной части Латвии, западных областей РСФСР и Белоруссии.

¹⁴ Скульпторы Л. Буковский, Я. Зариньш, О. Скарайнис и архитекторы Г. Асарис, О. Закаменн, О. Остенберг, И. Страутманис.

здано большое количество мифов, связанных, по мнению исследователей, с излишней гиперболизацией страдания и пропагандистской маркировкой этого места как лагеря смерти. Появились специальные работы, целью которых было развенчание мифов и клише советской историографии (см., например: [26]). Известный своей скандальностью латвийский публицист и журналист Э. Вейдемане прямо указывает, что у латышского общества аллергия на Саласпилсский мемориал по причине того, что для многих русскоязычных жителей страны это место — «священная корова» [27].

В связи с этим в отношении Саласпилсского мемориала была предпринята попытка перекодировки его из советского места памяти одновременно и в интернациональное, и в «свое» место трагедии. В ходе этой трансформации в 2008 г. рядом с мемориальным ансамблем было благоустроено захоронение немецких военнопленных, а через 10 лет открыта экспозиция музея, авторство которой в том числе принадлежит историкам, представляющим тенденциозный «Музей оккупации Латвии». Музейная выставка рассказывает о том, что в концлагере содержались не только угнанные из СССР гражданские лица, но и латышские политзаключенные¹⁵, нарушители трудовой дисциплины, полицаи и легионеры [27]¹⁶. Кроме того, на территории комплекса были поставлены стенды, информирующие посетителей об ужасах как немецкого, так и советского «режимов»¹⁷, которые, согласно официальному прибалтийскому дискурсу, были тождественны друг другу. При этом эпизоды, касающиеся коллаборационизма и участия жителей Латвии в функционировании концлагеря «Саласпилс», не попали в объектив музейного нарратива.

Интеграция советских памятников, посвященных стертým с лица земли прибалтийским деревням

Еще одной группой советских мемориальных военных объектов, связанных с массовым насилием в странах Балтии, являются памятники, посвященные разрушенным деревням. Самым известным в советское время в Литве памятником, посвященным такого рода трагедии, был мемориальный комплекс, построенный на месте уничтоженной в июне 1944 г. деревни Пирчюпис. Уникальность этого мемориала, открытого в 1960 г. и состоящего из статуи «Мать», а также стен с выгравированными именами погибших, заключается в том, что это был первый в СССР памятник, поставленный в память о сожженной деревне. Один из его авторов, литовский скульптор Г. Йокубонис, в 1963 г. был удостоен авторитетной Ленинской премии [5, с. 72—77]. По своему коммеморативному функционалу и значению для Литовской ССР это место памяти было сродни символической ценности Хатыни для белорусов. В советском литовском дискурсе сюжет о трагедии в Пирчюписе играл одну из ключевых ролей в нарративе о преступлениях нацистов на территории оккупированного Советского Союза (подробнее об этом см: [28]). Рядом располагался один из самых посещаемых в республике мемориальных музеев, а само место памяти выступало символом жестокости немецкого «фашизма» на территории Литвы, о нем знали далеко за пределами республики [3].

После получения независимости Литвы это место памяти было отвергнуто как «чужое». По словам литовского историка З. Виткуса, «при деконструкции мифа о

¹⁵ В частности, руководящий состав Латвийского центрального совета, ориентированного на США и Великобританию.

¹⁶ Salaspils nometne (1941—1944), 2022, *Salaspils Memoriāls*, URL: <https://salaspilsmemorials.lv/salaspils-nometne/> (дата обращения: 29.06.2022).

¹⁷ Ekspozīcija, 2022, *Salaspils Memoriāls*, URL: <https://salaspilsmemorials.lv/ekspozicija/> (дата обращения: 29.06.2022).

Великой Отечественной войне Пирчюпис деконструировался одновременно» [29]. Как следствие, музей в постсоветской Литве был закрыт, а выставка, перекочевавшая в местную библиотеку, позднее была ликвидирована [3]. Между тем сам мемориал, несмотря на всю свою значимость для российской контрпамяти, не был ликвидирован и продолжает играть важную роль как место памяти для местных жителей, которые ежегодно вместе с сотрудниками российского посольства принимают участие в памятных акциях. Таким образом, местная региональная культурная память сохраняет в том числе благодаря существованию этого мемориала нарратив о преступлениях фашистов, сформированный еще советскими архитекторами политики памяти, тогда как для государственного литовского дискурса Пирчюпис, скорее, «инородное тело». З. Виткус полагает, что это сигнализирует о пробеле в исторической политике Литвы, в рамках которой сложилась определенная конвенциональная установка относиться к немецкой оккупации как к более легкому, более благоприятному для литовского народа периоду, чем нахождение Литвы в составе СССР [29]. Тем не менее с учетом тектонических сдвигов по отношению к советским памятникам в Литве в 2022 г. можно предположить, что политика забвения в контексте Пирчюписа претерпит изменения в сторону более активных действий, направленных на деактивацию символизма советского наследия.

Если в советское время мемориал в Пирчюписе возник в результате официальной политики памяти, то скульптурный ансамбль на месте сожженной немцами деревни Аблинга в Клайпедском районе (деревня была уничтожена 23 июня 1941 г., а ее жители расстреляны) появился в 1972 г. как инициатива «снизу», исходившая от местного резчика по дереву В. Майораса. Первоначально о трагедии напоминал лишь памятник из цемента. Вместо него было установлено 30 дубовых скульптур, вырезанных местными мастерами в фольклорной традиции, совершенно не свойственной для советской мемориальной культуры. Несмотря на то что это не был партийный проект, в его открытии приняли участие первый секретарь Коммунистической партии Литвы А. Снечкус и министр культуры Литовской ССР Л. Шепетис [5, с. 81—84]. Благодаря своей нестандартной стилистике об Аблинге узнали как во всем Советском Союзе, так и за его пределами [30, с. 76]. В 1984 г. в деревне открыл свои двери музей, рассказывающий о произошедшей трагедии. Вместе с тем это место памяти изначально было амбивалентным: по своему содержанию оно полностью соответствовало советскому нарративу, а по исполнению и форме являлось отражением литовской народной традиции, смеси христианства и язычества.

Мемориал в Аблинге возник в результате активности «снизу», поэтому неудивительно, что его трансформация также происходила не как итог целенаправленной политики памяти, а как локальная инициатива местных жителей. Уже в 1985 г. рядом с мемориальным ансамблем было восстановлено сооружение религиозного назначения Лурд (искусственный грот) [31], которое в рамках местной поминальной практики стало доминантой [32]. Таким образом, христианская составляющая этого места памяти еще в советское время оказалась ключевой, что совместно с фольклорными чертами памятника обеспечило мемориал Аблинги охранной грамотой. Единственное, что сделали литовские власти, — это закрыли местный музей. Тем не менее отметим, что история об уничтоженной деревне Аблинге не вызывает особого интереса в литовском информационном поле¹⁸ и в первую очередь важна для местных жителей. Редкое посещение скульптурного ансамбля литовскими политиками сопряжено, как правило, не с самой трагедией, а с другими памятными датами. Так, например, спикер Сейма Ирена Дегутене возлагала цветы к памятнику дважды: 8 мая 2010 г. (день памяти и примирения, посвященный памяти жертв

¹⁸ Достаточно посмотреть количество публикаций об Аблинге в литовских СМИ, вышедших за последние 20 лет. По подсчету автора, их всего лишь чуть больше десятка.

Второй мировой войны) и 22 августа 2012 г. (в канун дня памяти жертв сталинизма и нацизма). Примечательно, что в 2012 г. в своей речи она отметила, что во время Второй мировой войны убивали не только нацисты, но и советские люди¹⁹.

Латвийским Пирчюписом или Хатынью была деревушка Аудрини в Латгалии. В начале января 1942 г. практически все ее жители были расстреляны, а сама деревня сожжена. Поводом к расправе послужила помощь одной из жительниц деревни бежавшим советским военнопленным. В 1965 г. в Риге состоялся громкий судебный процесс, вызвавший широкий резонанс в СССР, над коллаборационистами, совершавшими эти преступления [33]. После этого начался активный этап мемориализации как самой Аудриньской трагедии, так и преступлений гитлеровцев в Латгалии в целом.

В конце 1960-х — начале 1970-х гг. в Резекненском крае в память об этих событиях появились монументы и памятные доски (в Резекне и Аудрини), а также Анчупанский мемориал (в Анчупанском лесу). Все эти памятные места работали в одной связке. С тех пор каждый год в начале января на этих объектах проходили акты коммеморации, которые после получения Латвией независимости оказались частью официальной политики памяти как места массовых убийств на территории Латвии в годы Второй мировой войны²⁰. Особое значение эти памятные мероприятия имели для местных жителей, но вместе с тем их периодически посещали и первые лица государства. Например, в 2015 г. участие в мероприятиях, приуроченных к 73-й годовщине Аудриньской трагедии, принял министр обороны, будущий президент Латвии Раймондс Вейонис. Когда он возлагал цветы к Анчупанскому мемориалу, там стоял почетный караул из ополченцев Земессардзе (национальная гвардия Латвии)²¹.

В конечном счете советские памятники в окрестностях Аудрини были интегрированы в официальную латвийскую мемориальную культуру без каких-либо существенных изменений. В данном отношении это отличает латвийскую политику памяти от литовской, для которой на официальном уровне свойственно игнорировать аналогичный эпизод с сожженной деревней в Пирчюписе, даже несмотря на то, что это место трагедии играет важную роль для местного населения. Вместе с тем, учитывая зависимость направления политики памяти стран Балтии от внешнеполитического взаимодействия с Россией, можно предположить, что в перспективе советские места памяти, связанные с трагедией в Аудрини, будут либо перекодированы, либо преданы забвению.

Памятники советским военнопленным — «чужие» мемориальные объекты

Во время войны в Прибалтике находились многочисленные лагеря для советских военнопленных. Из-за тяжелых условий содержания смертность в них была велика²². В первое послевоенное десятилетие в СССР вокруг этой темы была со-

¹⁹ Atmintis, 2013, *Banga*, URL: <https://gargzdai.lt/atmintis-203/> (дата обращения: 13.07.2022).

²⁰ Audriņu traģēdijai — 80. Kad nacisti likvidēja gandrīz visus nelielās Latgales sādžas iedzīvotājus, 2022, *LSM.lv*, URL: <https://www.lsm.lv/raksts/dzive--stils/vesture/audrinu-tragedijai--80-kad-nacisti-likvideja-gandriz-visus-nelielas-latgales-sadzas-iedzivotajus.a435839/> (дата обращения: 12.07.2022).

²¹ Vējonis: Audriņu traģēdija ir atgādinājums par totalitārā režīma zvērībām. 2015, *SARGS.LV*, URL: <https://www.sargs.lv/lv/otrais-pasaules-kars/2015-01-05/vejonis-audrinu-tragedija-ir-atgadinajums-par-totalitara-rezima> (дата обращения: 12.07.2022).

²² Так, например, из 25 тыс. советских военнопленных, содержащихся в лагере «Офлаг 60» в Кудиркосе-Науместисе, всего лишь за год его существования в период с июля 1941 г. по июль 1942 г. погибло по разным оценкам от 4 до 11,5 тыс. человек (OFLAG 60 Kudirkos Naumiestis, the years 1941—1942, 2017, *Lietuvos gyventojų genocido ir rezistencijos tyrimo centras*, URL: <http://genocid.lt/muziejus/ru/891/c/> (дата обращения: 29.09.2022)).

здана плотная завеса умолчания. Лишь после того как в 1956 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей», этот сюжет стал привлекать внимание историков (подробнее об этом см.: [34]). Вслед за научными исследованиями начался этап мемориализации наиболее значимых с точки зрения советского нарратива мест памяти массового насилия в отношении советских военнопленных. Прибалтика не стала исключением. Так, в Латвийской²³, Литовской²⁴ и Эстонской²⁵ ССР в 1960—1970-х гг. на месте отдельных лагерей и захоронений военнопленных были установлены различные мемориальные объекты. Их особенность — отсутствие термина «военнопленные» в надписях на памятниках, при том что в описании часто были указаны названия лагерей. Как правило (но не всегда), в надписях присутствуют упоминания о фашистах как источнике зла и данные о количестве погибших советских граждан.

После распада Советского Союза практически все эти места памяти оказались в списке объектов, находящихся под охраной Латвийского²⁶, Литовского²⁷ и Эстонского²⁸ государств, так как находились на месте воинских захоронений. Однако, несмотря на существование правовой системы, защищающей их сохранность, советские мемориальные объекты регулярно подвергались актам неофициального вандализма, которые так или иначе происходили под воздействием официальной политики памяти, в рамках которой советское наследие трактовалось как «чужие» места памяти.

²³ Мемориал на братских могилах советских военнопленных, погибших в Шталаг 350/Z в Саласпилсе (1968), памятный камень на месте лагеря военнопленных Шталаг 340 в Даугавпилсе (1975), мемориал на месте, где находился лагерь военнопленных Шталаг 340/347 в Резекне (начало 1970-х гг.) (Список памятников и памятных мест, связанных с событиями Великой Отечественной войны, на территории Латвийской республики, 2022, *Русские мемориалы в Латвии*, URL: http://vojn.russkie.org.lv/vov_pam.php (дата обращения: 27.07.2022)).

²⁴ Обелиск (1951) и мемориал (1981) на месте захоронений советских военнопленных лагеря Шталаг-343 в Алитусе, памятный камень на захоронении советских военнопленных лагеря Шталаг 336 в Каунасе, мемориал на месте лагеря Офлаг-53 в Пагегяе (1978) (Немецкие лагеря для военнопленных во время Второй мировой войны, 2022, *Солдат.Ru*, URL: <https://www.soldat.ru/force/germany/camp.html> (дата обращения: 27.07.2022)).

²⁵ 4501 Terroriohvrite matmispaiк, 2006, *Kultuurimälestiste register*, URL: <https://register.muinas.ee/public.php?menuID=monument&action=view&id=4501> (дата обращения: 27.07.2022).

²⁶ Правительствами Российской Федерации и Латвийской Республики в 2008 г. было подписано соглашение о статусе латвийских захоронений на территории Российской Федерации и российских захоронений на территории Латвийской Республики (Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Латвийской Республики о статусе латвийских захоронений на территории Российской Федерации и российских захоронений на территории Латвийской Республики, 2008, Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов, URL: <https://docs.cntd.ru/document/902086902> (дата обращения: 27.07.2022)).

²⁷ Межправительственное соглашение об охране памятников между Литвой и РФ так и не было заключено. Тем не менее часть советских памятников, расположенных в Литве в местах захоронений, внесена в реестр культурных ценностей и подлежат охране согласно закону «Об охране недвижимого культурного наследия» от 22 декабря 1994 г. (LR Nekilnojamojo kultūros paveldo apsaugos įstatymas. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalActPrint/lt?jfwid=14nhkh1wmh&actualEditionId=zqQvRFIdmG&documentId=TAIS.15165&category=TAD> (дата обращения: 13.06.2022)).

²⁸ Между Эстонией и РФ также нет соглашения об охране памятников. Значительная часть оставшихся советских памятников находится в реестре памятников культуры и охраняется законом. Кроме того, охрану советских мемориалов, расположенных на местах воинских захоронений, обеспечивает закон «Об охране военных захоронений» от 10 января 2007 г. (Sõjahaudade kaitse seadus, 2017, *Riigi Teataja*, URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/12777064> (дата обращения: 13.06.2022)).

Основная работа по уходу за этим наследием легла на плечи посольств РФ в Латвии, Литве и Эстонии, которым порой (прежде всего с начала 2000-х гг.) даже при их небольших возможностях удавалось не только инициировать и финансировать работы по реставрации ряда объектов²⁹, но и открывать новые памятники³⁰.

Вместе с тем в странах Балтии встречались отдельные отступления от «партийной» линии в рамках официальной политики памяти, когда государственные структуры брали на себя расходы, связанные с восстановлением советских мемориалов. Так, например, произошло с советским «местом памяти» в Пагегяе: в период оккупации с июля 1941 г. по июль 1942 г. здесь находился лагерь для советских военнопленных, через который прошли 24 тыс. человек. По данным исследователей, около 10 тыс. из них погибли [35]. В 1977 г. на месте немецкого лагеря был возведен мемориал, посвященный погибшим советским военнопленным (скульптор С. Шарпова, архитектор Г. Баравикас) [36, с. 188]. В 1993 г. этот объект оказался в реестре памятников истории и культуры Литовской Республики [37]. Далее сведения о судьбе советского мемориала разнятся: по одним данным, он пришел в негодность в начале «нулевых»³¹, по другим — в 2004 г. его разрушили вандалы [5, с. 208]. Классическая непростая судьба советского памятника. Однако к празднованию 60-летия окончания Второй мировой войны правительство Литовской Республики выделило средства на ремонт мемориального комплекса, а 8 мая 2005 г. на его открытии присутствовал премьер-министр Литвы А. Бразаускас [5, с. 207—208]. Помимо восстановленных советских мемориалов на этом месте появился уже собственно литовский памятник, на котором была выгравирована на русском, английском и литовском языках надпись «Вечная память жертвам фашизма», характерная, скорее, для советского периода (архитекторы — В. Моцкус и Й. Янкус, с гравировкой художника С. Красаускаса) [37]. Такая несвойственная для литовской политики памяти история, скорее всего, связана с личностью премьер-министра Литвы А. Бразаускаса. Во-первых, он как литовский руководитель «старой школы» иначе, чем литовские националисты, относился к советскому наследию (да и к РФ); во-вторых, по словам основателя литовского Института военного наследия Ю. Тракшялиса, А. Бразаускас принимал личное участие в установке советского мемориала в Пагегяе в 1977 г. [38]. В любом случае такого рода прецедент — это аномалия для литовской государственной политики памяти.

Заключение

Отметим, что советские мемориальные объекты, возведенные в местах массовых насилий в отношении еврейского или местного населения, в отличие от множества других советских памятников оказались интегрированы в официальные или региональные коммеморативные культуры Латвии, Литвы и Эстонии. Важно учитывать, что активный этап перекодировки изучаемых мест памяти совпал с евроатлантическим курсом стран Балтии: необходимость интеграции Холокоста в свои собственные концепции истории побудила архитекторов государственной политики памяти к полноценному освоению символического пространства этих территорий. Вместо полуофициальных практик выкристаллизовались основные подходы стран Балтии к местам памяти о массовых убийствах.

²⁹ Отметим, что на обновленных мемориалах в надписях уже появились упоминания о советских военнопленных.

³⁰ Например, в Литве в 2006 г. был открыт памятник в Вильнюсе на месте лагеря «Кошары», а в 2011 г. — в городе Кудиркосе-Науместисе появился монумент на территории, где во время войны располагались лагерь Офлаг-60 и Шталаг I D.

³¹ *Oflager 53*, 2011, *NIEKONaujo*, URL: <https://www.niekonaujo.lt/20110917/oflager-53> (дата обращения: 15.07.2022).

Основной государственной стратегией присвоения такого рода наследия была тотальная перемаркировка символического пространства рядом с памятником. Благодаря различного рода официальным коммеморативным практикам, музеефикации, установке новых «правильных» памятников или информационных стендов, удалению советской символики и русского языка происходила десоветизация этих мест памяти. При этом если речь шла о региональной интеграции, как в случае с монументами в Пирчюписе или Аудрини, советский дискурс о злодеяниях фашистов сохранялся, однако, вероятно, в ближайшей перспективе будут предприняты попытки его деактивации.

В новых обстоятельствах построенные в советское время памятники или могли оставаться доминантами (Саласпилс, Аудрини, IX форт в Каунасе, Пирчюпис), или отодвигались на периферию мемориального пространства вследствие появления новых объектов (Понары, Румбула, Клоога). Параллельно советский нарратив о преступлениях фашистов, который был заложен в памятниках, в рамках официальной политики памяти мог трансформироваться как в дискурс о Холокосте, так и в сюжеты о «советском терроре» в отношении местного коренного населения³². В последнем случае, даже несмотря на то, что эти массовые убийства совершали немецкие войска и коллаборационисты, упор делался на вину СССР в «оккупации» Прибалтики или в развязывании Второй мировой войны. При таком подходе предвоенная или послевоенная история замещала собой период Великой Отечественной войны. При этом обвинения в адрес Советского Союза в преступлениях ни в какой мере не были связаны с контекстом места.

Советское наследие, репрезентирующее сюжеты, касающиеся насилия в отношении военнопленных-красноармейцев, осталось за пределами официального мемориального ландшафта стран Балтии. Тем не менее его сохранность гарантируется правовой базой, сформированной в период, когда отношения между РФ и Прибалтийскими государствами еще находились в конструктивном русле. Как раз к этому времени относятся немногочисленные случаи, когда государственные структуры участвовали в обновлении советского военного наследия, что является исключением, подтверждающим правило. Принимая во внимание тот факт, что политика памяти прибалтийской элиты относительно советских памятников во многом зависит от степени конструктивности отношений с Россией, которые сейчас находятся на самом низком уровне за всю постсоветскую историю, можно предположить, что правовая основа, определяющая статус советских мемориальных объектов в странах Балтии, в скором времени будет пересмотрена, а большинство памятников — демонтировано.

Работа выполнена в рамках реализации проекта «Приоритет-2030» «Историческая память как фактор геополитической безопасности на западных рубежах России».

Список литературы

1. Кантор, Ю.З. 2011, *Прибалтика: война без правил (1939—1945)*, СПб., Журнал «Звезда», 336 с.
2. Weiss-Wendt, A. 2008, Why the Holocaust Does Not Matter to Estonians, *Journal of Baltic Studies*, vol. 39, №4, p. 475—497, <https://doi.org/10.1080/01629770802461530>.
3. Махотина, Е. 2013, Вильнюс. Места памяти европейской истории, *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*, №4.
4. Makhotina, E. 2017, *Erinnerungen an den Krieg — Krieg der Erinnerungen: Litauen und der Zweite Weltkrieg*, Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht GmbH & Co, 478 s.

³² Данный нарратив характерен прежде всего для литовской политики памяти.

5. Махотина, Е. 2020, *Преломления памяти. Вторая мировая война в мемориальной культуре советской и постсоветской Литвы*, СПб., Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 218 с.
6. Махотина, Е. 2020, День Победы как Поле коммеморативных конфликтов: 9 мая в Вильнюсе, *Международный мемориал: Проект «Уроки Истории»*, URL: <https://urokiistorii.ru/articles/den-pobedy-kak-pole-kommemorativnyh> (дата обращения: 13.06.2022).
7. Arlauskaitė Zakšauskienė, I., Černiauskas, N., Kulevičius, S., Jakubčionis, A. 2016, *Kariai. Betonas. Mitas. Antrojo pasaulinio karo Sovietų sąjungos karių palaidojimo vietos Lietuvoje*, Vilnius, Vilniaus universiteto leidykla, 312 p.
8. Brüggemann, K., Kasekamp, A. 2008, The Politics of History and the “War of Monuments” in Estonia, *Nationality Papers*, vol. 36, № 3, p. 425—448, <https://doi.org/10.1080/00905990802080646>.
9. Адамсон, А. 2009, Национальная история Эстонии в контексте европеизации прошлого и «войны памятников», *Национальные истории на постсоветском пространстве — II*, М., Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, с. 182—200.
10. Tamm, M. 2012, Monumentaalne ajalugu. Esseid Eesti ajalookultuurist, *Loomingu Raamatukogu*, № 28—30.
11. Zelče, V. 2010, *The Texture of Memory. World War II Monuments in the Baltic States*, Rīga, ASPRI, 40 с.
12. Симонян, Р. Х. 2011, Оккупационная доктрина в странах Балтии: содержательный и правовой аспекты, *Государство и право*, № 11, с. 106—114.
13. Скачков, А. С. 2017, Историческая память в политических процессах постсоветской Прибалтики, *Сравнительная политика*, т. 1, № 1, с. 140—151, <https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-1-140-151>.
14. Зверев, К. А. 2020, Политика памяти в прибалтийских республиках: внешнеполитический аспект, *Вестник Российской нации*, № 5, с. 44—55.
15. Зверев, К. А. 2021, Историческая политика Эстонской Республики в контексте национально-государственного строительства, *Проблемы национальной стратегии*, № 1, с. 202—215.
16. Симиндей, В. В. 2015, *Огнем, штыком и лезвием. Мировые войны и их националистическая интерпретация в Прибалтике*, М., Фонд «Историческая память», 352 с.
17. Романова, О. А., Гузенкова, Т. С. 2015, Синдром оккупации, *Наследники Победы и поражения. Вторая мировая война в исторической политике стран СНГ и ЕС*, М., РИСИ, с. 371—388.
18. Сафроновас, В. 2009, О тенденциях политики воспоминания в современной Литве, *Ab Imperio*, № 3, с. 424—458.
19. Ливик, О., Марипу, М. 2013, Память о жертвах в Клоога, *Концентрационный лагерь Клоога и мемориал жертвам Холокоста*, URL: <https://klooga.nazismvictims.ee/ru/materjalid/ohvrite-malestamine-klooga/> (дата обращения: 12.06.2022).
20. Ливик, О., Марипу, М. 2013, Экспозиция под открытым небом Эстонского исторического музея «Лагерь Клоога и Холокост», *Концентрационный лагерь Клоога и мемориал жертвам Холокоста*, URL: <https://klooga.nazismvictims.ee/ru/materjalid/estoni-ajaloomuuseumi-valiekspositsioon-klooga-laager-ja-holokaust/> (дата обращения: 12.06.2022).
21. Bubnys, A. 2004, The Holocaust in Lithuania: an outline of the major stages and their results, In: Nikžentaitis, A., Schreiner, S., Staliūnas, D. (eds.), *Vanished world of Lithuanian Jews*, Amsterdam, Rodopi, p. 205—221.
22. Фелькер, А. В. 2018, «Непростое» наследие: Проблематика мест памяти о массовом насилии Западной и Восточной Европы, В: Миллер, А. И., Ефременко, Д. В. (ред.), *Методологические вопросы изучения политики памяти*, сборник научных трудов, М., СПб., Нестор-история, с. 93—109.
23. Богов, В. 2019, Практика лицемерия: детские дома и приюты в период немецкой оккупации Латвии (1941—1944), *Журнал исторических исследований*, № 2, с. 117—137.
24. Богов, В. 2021, *Саласпилс: Забытая история. Сборник фотодокументальных свидетельств о злодеяниях немецких нацистов и их пособников в годы германской оккупации Латвии в 1941—1945 г.*, Рига, Фонд развития культуры, 194 с.
25. Гапоненко, А. В. (ред.). 2010, *Прибалтийские русские: история в памятниках культуры (1710—2010)*, Рига, Институт европейских исследований, 736 с.
26. Kangeris, K., Neiburgs, U., Viksne, R. 2016, *Aiz šiem vārtiem vaid zeme. Salaspils nometne 1941—1944*, Rīga, Lauku avīzēb 431 p.

27. Veidemane, E. 2017, Vēsturnieks Neiburgs: Salaspils nomētnes vēsture jāattīra no padomju propagandas, *Nra.lv*, URL: <https://nra.lv/latvija/229993-vesturnieks-neiburgs-salaspils-nometnes-vesture-jaattira-no-padomju-propagandas.htm> (дата обращения: 29.06.2022).

28. Švedas, A. 2009, *Matricos nelaisvėje. Sovietmečio lietuvių istoriografija (1944–1985)*, Vilnius, Aidai, 335 p.

29. Vitkus, Z. 2020, Pirčiupiai: maskvenų ar mūsų? *LRT.lv*, URL: <https://www.lrt.lt/naujienos/nuomones/3/1184281/zigmas-vitkus-pirciupiai-maskvenu-ar-musu> (дата обращения: 27.05.2022).

30. Плюхин, Е. В., Римкус, В. 1977, *Аблинга*, Ленинград, Искусство, 107 с.

31. Zizas, R., Indriulaitis, A. 2022, Ablinga, *Visuotinė lietuvių enciklopedija*, URL: <https://www.vle.lt/straipsnis/ablinga/> (дата обращения: 13.07.2022).

32. Gentvilas, S. 2007, *Ablinga: paminklas tragiškoms aukoms atminti*, URL: <https://www.xx-iamzius.lt/archyvas/priedai/uzlAISve/20070615/2-1.html> (дата обращения: 13.07.2022).

33. Ананьев, А., Туликов, Ф. 1979, Трагедия на Анчупанских холмах, *Неотвратимое возмездие. По материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок*, М., Воениздат, с. 226–239.

34. Дембицкий, Н. П. 2004, Судьба пленных, *Война и общество. 1941–1945*, кн. 2, М., Наука, с. 232–264.

35. Andrulienė, A., Nognienė, S. 2021, Pagėgių koncentracijos stovykla, Buchenvaldo filia lo “Oflager-53” memorialinis kompleksas, *Krašto paveldo gidas*, URL: <http://www.krastogidas.lt/objektai/833-pagegiu-koncentracijos-stovykla-buchenvaldo-filialo-oflager-53-memorialinis-kompleksas> (дата обращения: 15.07.2022).

36. Мордвинов, В., Кочетов, А. (сост.). 2010, *Литва помнит = Lietuva atsimena*, Вильнюс, [s.n.], 371 с.

37. Giniotis, I. 2021, Pagėgių karo belaisvių stovykla “Oflager 53”, *Šilainės kraštas*, URL: <https://www.silaineskraštas.lt/kultura/silaines-sodas/pagegiu-karo-belaisviu-stovykla-oflager-53/> (дата обращения: 15.07.2022).

38. Короткова, Е. 2018, Хранитель наследия Юриус Тракшялис: «Нельзя просто так разорвать историю», *МК*, URL: <https://www.mk.ru/social/2018/12/26/khranitel-naslediya-yuriyus-trakshyalis-nelzya-prosto-tak-razorvat-istoriyu.html> (дата обращения: 12.07.2022).

Об авторе

Максим Евгеньевич Мегем, кандидат исторических наук, директор, Центр исследований исторической памяти; доцент, БФУ им. И. Канта, Россия.

E-mail: megem@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6412-9119>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

PRESERVE VS DISMANTLE: MAJOR TRENDS IN THE BALTICS' POLITICS OF MEMORY REGARDING SOVIET MONUMENTS AT SITES OF MASS VIOLENCE

M. E. Megem

Immanuel Kant Baltic Federal University
14, A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236016, Russia

Received 10.06.2022
doi: 10.5922/2079-8555-2022-4-8
© Megem, M. E., 2022

To cite this article: Megem, M. E. 2022, Preserve vs dismantle: major trends in the Baltics' politics of memory regarding Soviet monuments at sites of mass violence. *Balt. Reg.*, Vol. 14, no 4, p. 128–145. doi: 10.5922/2079-8555-2022-4-8.

Another round of the Soviet ‘monument fall’ in the Baltics, which began in the early 2000s, continued into 2022. This process, however, has not affected Soviet memorials at the sites of mass violence perpetrated during the German occupation of the Baltics. This article aims to investigate major trends in the Baltics’ politics of memory regarding Soviet monuments erected at sites of mass violence. The official policy of the Baltics towards these memorial sites has been largely shaped by the international agenda and the perception of the commemorated events. During the Euroatlantic drift, the concept of the Baltic States’ past incorporated the Holocaust narrative, recoding the symbolic space of Soviet sites remembering Nazi crimes against Jews and integrating them into the national culture of remembrance. Soviet memorials at sites commemorating the tragedy of local peoples were incorporated as is into the national memorial landscape. Yet, Lithuanian authorities viewed these memorials with greater suspicion because of the Soviet countermemory, which the sites preserved. Memorials to Soviet POWs, albeit perceived as ‘alien’, are protected by law in the Baltics. Nevertheless, it did not save the places of remembrance from acts of vandalism. Moreover, there are trends in the Baltics towards a revision of the laws protecting the monuments.

Keywords:

politics of memory, mass violence commemoration sites, Baltics, Soviet monuments, Ponary, Salaspils memorial, Pirčiupis, Klooga

References

1. Kantor, Yu. Z. 2011, *Pribaltika: vojna bez pravil (1939–1945)* [The Baltics: war without rules (1939–1945)], St. Petersburg, “Zvezda” Journal, 336 p. (in Russ.).
2. Weiss-Wendt, A. 2008, Why the Holocaust Does Not Matter to Estonians, *Journal of Baltic Studies*, vol. 39, № 4, p. 475–497, <https://doi.org/10.1080/01629770802461530>.
3. Makhotina, E. 2013, Vilnius, *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture* [Emergency ration. Debate about politics and culture], № 4 (in Russ.).
4. Makhotina, E. 2017, *Erinnerungen an den Krieg — Krieg der Erinnerungen: Litauen und der Zweite Weltkrieg*, Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht GmbH & Co, 478 s.
5. Makhotina, E. 2020, *Prelomenenija pamjati. Vtoraja mirovaja vojna v memorial'noj kul'ture sovjetskij i postsovjetskij Litvy* [Refractions of Memory. World War II in the memorial culture of Soviet and post-Soviet Lithuania], St. Petersburg, Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge (in Russ.).
6. Makhotina, E. 2020, Den' Pobedy kak pole kommemorativnyh konfliktov: 9 maja v Vil'njuse [Victory Day as a field of commemorative conflicts: May 9 in Vilnius], *International Memorial: Project “Lessons of History”*, URL: <https://urokiistorii.ru/articles/den-pobedy-kak-pole-kommemorativnyh> (accessed 13.06.2022).
7. Arlauskaitė Zakšauskienė, I., Černiauskas, N., Kulevičius, S., Jakubčionis, A. 2016, *Kariai. Betonas. Mitas. Antrojo pasaulinio karo Sovietų sąjungos karių palaidojimo vietos Lietuvoje*, Vilnius, Vilniaus universiteto leidykla, 312 p.
8. Brüggemann, K., Kasekamp, A. 2008, The Politics of History and the “War of Monuments” in Estonia, *Nationality Papers*, vol. 36, № 3, p. 425–448, <https://doi.org/10.1080/00905990802080646>.
9. Adamson, A. 2009, Nacional'naja istorija Jestonii v kontekste evropeizacii proshlogo i «vojnny pamjatnikov» [Estonian national history in the context of Europeanisation of the past and the “war of monuments”] in *National histories in the post-Soviet space — II*, Moscow, Fond Fridriha Naumanna, AIRO-XXI, p. 182–200 (in Russ.).
10. Tamm, M. 2012, Monumentaalne ajalugu. Esseid Eesti ajalookultuurist, *Loomingu Raamatukogu*, № 28–30.
11. Zelče, V. 2010, *The Texture of Memory. World War II Monuments in the Baltic States*, Rīga, ASPRI, 40 p.
12. Simonyan, R. H. 2011, Occupation doctrine in the Baltics: a substantive and legal aspects, *State and Law*, № 11, p. 106–114 (in Russ.).
13. Skachkov, A. S. 2017, Historical memory in post-Soviet Baltic political processes, *Comparative Politics Russia*, № 1, p. 140–151, <https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-1-140-151> (in Russ.).

14. Zverev, K. A. 2020, Memory policy in the Baltic republics: foreign policy aspect, *Bulletin of the Russian Nation*, № 5, p. 44—55 (in Russ.).
15. Zverev, K. A. 2021, Estonia's memory politics in the context of nation building, *National Strategy Issues*, № 1, p. 202—215 (in Russ.).
16. Simindei, V. V. 2015, *Ognem, shtykom i lest'yu. Mirovye voyny i ikh natsionalisticheskaya interpretatsiya v Pribaltike* [With fire, bayonet and flattery. World Wars and their Nationalist Interpretation in the Baltics], Moscow, Fond «Istoricheskaya pamyat'», 352 p. (in Russ.).
17. Romanova, O. A., Guzenkova, T. S. 2015, Lithuania. Occupation syndrome, in: *Nasledniki Pobedy i porazheniya. Vtoraya mirovaya voyna v istoricheskoi politike stran SNG i ES* [Heirs to Victory and defeat. World War II in the historical politics of the CIS and EU countries], Moscow, RISI, p. 371—388 (in Russ.).
18. Safronovas, V. 2009, On Tendencies of the Politics of Remembrance in Contemporary Lithuania, *Ab Imperio*, № 3, p. 424—458 (in Russ.).
19. Liivik, O., Maripuu, M. 2013, Commemoration at Klooga, *Koncentracionnyj lager' Klooga i memorial zhertvam Holokosta* [Klooga concentration camp and Holocaust memorial], URL: <https://klooga.nazismvictims.ee/ru/materjalid/ohvrite-malestamine-kloogal/> (accessed 12.07.2022) (in Russ.).
20. Liivik, O., Maripuu, M. 2013, The Estonian history museum's open air exhibition: the Klooga camp and the Holocaust, *Koncentracionnyj lager' Klooga i memorial zhertvam Holokosta* [Klooga concentration camp and Holocaust memorial], URL: <https://klooga.nazismvictims.ee/ru/materjalid/eesti-ajaloomuuseumi-valiekspositsioon-klooga-laager-ja-holokost/> (accessed 12.07.2022) (in Russ.).
21. Bubnys, A. 2004, The Holocaust in Lithuania: an outline of the major stages and their results, In: Nikžentaitis, A., Schreiner, S., Staliūnas, D. (eds.), *Vanished world of Lithuanian Jews*, Amsterdam, Rodopi, p. 205—221.
22. Felker, A. V. 2018, The “uneasy” legacy: the problematic of sites of memory of mass violence in Western and Eastern Europe, In: *Metodologicheskie voprosy izuchenija politiki pamjati* [Methodological issues in the study of memory politics], Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya, p. 93—109 (in Russ.).
23. Bogov, V. 2019, Practice of hypocrisy: children's homes and orphanages during German occupation of Latvia (1941—1944), *Journal of Historical Research*, № 2, p. 117—137 (in Russ.).
24. Bogov, V. 2021, *Salaspils: Zabytaja istorija. Sbornik fotdokumental'nyh svidetel'stv o zlodejaniyah nemeckih nacistov i ih posobnikov v gody germanskoj okkupacii Latvii v 1941—1945 g.* [Salaspils: Forgotten history. A collection of photo-documentary evidence of the atrocities of healthy Nazis and their accomplices during the years of the German occupation of Latvia in 1941—1945], Riga, Fond razvitiya kul'tury (in Russ.).
25. Gaponenko, A. V. (ed.). 2010, *Pribaltijskie russkie: istorija v pamjatnikah kul'tury (1710—2010)* [Baltic Russians: History in Cultural Monuments (1710—2010)], Riga, Institut evropejskih issledovanij (in Russ.).
26. Kangeris, K., Neiburgs, U., Viksne, R. 2016, *Aiz šiem vārtiem vaid zeme. Salaspils nometne 1941—1944*, Riga, Lauku avīze, 431 p.
27. Veidemane, E. 2017, Vēsturnieks Neiburgs: Salaspils nometnes vēsture jāattīra no padomju propagandas, *Nra.lv*, URL: <https://nra.lv/latvija/229993-vesturnieks-neiburgs-salaspils-nometnes-vesture-jaattira-no-padomju-propagandas.htm> (accessed 29.06.2022).
28. Švedas, A. 2009, *Matricos nelaisvėje. Sovietmečio lietuvių istoriografija (1944—1985)*, Vilnius, Aidai, 335 p.
29. Vitkus, Z. 2020, Pirčiupiai: maskvėnų ar mūsų? *LRT.lv*, URL: <https://www.lrt.lt/naujienos/nuomones/3/1184281/zigmas-vitkus-pirciupiai-maskvenu-ar-musu> (accessed 27.05.2022).
30. Plyuhin, E. V., Rimkus, V. 1977, *Ablinga*, Leningrad, Iskusstvo (in Russ.).
31. Zizas, R., Indriulaitis, A. 2022, *Ablinga, Visuotinė lietuvių enciklopedija*, URL: <https://www.vle.lt/straipsnis/ablinga/> (accessed 13.07.2022).
32. Gentvilas, S. 2007, *Ablinga: paminklas tragiškoms aukoms atminti*, URL: <https://www.xx-iamzius.lt/archyvas/priedai/uzlaisve/20070615/2-1.html> (accessed 13.07.2022).
33. Ananyev, A., Tulikov, F. 1979, Tragedy in the Anchupan Hills, In: *Neotvratimoe vozmezdje. Po materialam sudebnyh processov nad izmennikami Rodiny, fashistskimi palachami i agentami imperialisticheskikh razvedok* [Inevitable retribution. According to the materials of the trials of trai-

tors to the Motherland, fascist executioners and agents of imperialist intelligence], Moscow, Voenizdat, URL: http://militera.lib.ru/h/sb_neotvratimoe_vozmezdie/16.html (accessed 13.07.2022) (in Russ.).

34. Dembickij, N. P. 2004, The fate of prisoners, In: *Vojna i obshchestvo. 1941 – 1945* [War and society. 1941 – 1945], vol. 2, Moscow, Nauka, p. 232 – 264 (in Russ.).

35. Andrulienė, A., Nognienė, S. 2021, Pagėgių koncentracijos stovykla, Buchenvaldo filialo “Oflager-53” memorialinis kompleksas, *Krašto paveldo gidas*, URL: <http://www.krastogidas.lt/objektai/833-pagegiu-koncentracijos-stovykla-buchenvaldo-filialo-oflager-53-memorialinis-kompleksas> (accessed 15.07.2022).

36. Mordvinov, V., Kochetov, A. (eds.). 2010, *Lithuania remembers = Lietuva atsimena*, Vilnius, [s.n.] (in Russ.).

37. Giniotis, I. 2021, Pagėgių karo belaisvių stovykla “Oflager 53”, *Šilainės kraštas*, URL: <https://www.silaineskraštas.lt/kultura/silaines-sodas/pagegiu-karo-belaisviu-stovykla-oflager-53/> (accessed 15.07.2022).

38. Korotkova, E. 2018, Heritage Custodian Jurijus Trakselis: “You Can’t Just Break History”, *MK*, URL: <https://www.mk.ru/social/2018/12/26/khranitel-naslediya-yuriyus-trakshyalis-nelzya-prosto-tak-razorvat-istoriyu.html> (accessed 12.07.2022).

The author

Dr. Maxim E. Megem, Director, Centre for Memory Studies, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: megem@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6412-9119>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))